

Вырезка из газеты ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

от . . . 18. НОЯ. 44 . . .

Москва

Газета №

М. ЗАГОРСКИЙ

МАСТЕР КОМЕДИИ

Слава гениального баснописца, пришедшая к Крылову в 1810—1812 гг., затмила всю его предшествовавшую работу журналиста и драматурга, а между тем, без нее не было бы и самих его басен в том законченном виде, в каком они предстали русским читателям. Белинский зорко увидел эту связь, когда писал, что «басни Крылова — не просто басни: это повесть, комедия, юмористический очерк, злая сатира», и что развитие их тем почти всегда «образует маленькую драму» или «маленькую комедию». Он же писал о том, что «если бы Крылов явился в наше время, он был бы творцом русской комедии».

Крылов отдал драматургии около 25 лет жизни: первая его пьеса «Кофейница» написана в 1782—1784 гг., последняя комедия «Урок дочкам» — в 1807 г. С момента постановки в 1802 г. «Пирого» пьесы Крылова пользовались огромным успехом у зрителя, и его «Подшипа» и «Илья-Богатырь», и «Модная лавка», и «Урок дочкам» — подлинная драматургия, учитывающая условия сцены, законы жанра и восприятия зрителей. В той же степени театральны и ранние пьесы Крылова, не увидевшие «света рампы» лишь потому, что они откровенно и резко издевались над столичной знатью, в том числе и литературной.

Крылов вел борьбу с теми сочинителями, которые относились к творчеству, как к «парнасской забаве», презирали отечественные предания и писали лишь на темы Корнеля, Расина и Вольтера. В «Сочинителе в прихожей» Крылов не только осмелел, но и казнил презрительной сатирой «одописцев», готовых в поисках «ласки» и «пропитания» «воспеть» любого вельможу. Таких «жарманных» сочинителей в век Екатерины II было много, — от знаменитого в то время Василия Петрова до Громова и Осипова, и молодой Крылов весело и задорно выводил их на сцену, вернее, пытался вывести, так как театральное начальство решительно воспрепятствовало проникновению ранних пьес Крылова в репертуар театров.

На это запрещение Крылов ответил оглушительным памфлетом в форме письма к директору театров П. Соимонову. В этом письме, распространенном, вероятно, в списках, Крылов зло и метко издевался над всеми мероприятиями дирекции театров, причем так строил фразу, что эпитеты «подлый» или «глупый» всегда оказывались рядом с почтительным обращением «ваше превосходительство». («И последний подлец, каков только может быть, ваше превосходительство...») или: «Но видя глупое, ваше превосходительство», и т. п.). Крылов грозил в этом письме перенести на суд читателей свою тяжбу с начальством, что и исполнил в одном из номеров журнала «Почта духов».

Крылов народен и в своих комедиях не только русскими, оригинальными темами, но и приемами их обработки. В его операх и комедиях все преувеличено, крупно, ярко и подчас буффонно. И если ему нужно высмеять ту манию «влюбления», которой одно время поддались русские помещичьи семьи под влиянием чтения романов, он показывает в «Бешеной семье» целое поколение Сумбутовых, начиная с бабки Горбуры и матери Ужимы до сестры Прияты и дочери Кати, дружно «атакующих» своими любовными посланиями и обаятиями «драгого» Постана. И лишь в «Пирого» Крылов переходит от этой условной манеры к более реалистической, давая одну из первых зарисовок русских поклонниц Грея и Стерна, тоскующих по «элегиям», где были бы «ночь, луна, звезды и блестящая слеза».

Этот удар по слезливому романтизму был нанесен им за несколько лет до знаменитого «Нового Стерна» Шаховского с его графом Пронским, влюбленным в «паствушку» Маланью. В комедии «Пирог» Крылов выступает как драматург, овладевший всеми приемами комического мастерства. Тогда же в незаконченном «Лентяе» Крылов сделал опыт построения такой комедии, в которой главный персонаж, Лентул, почти не появляю-

щийся на сцене, совершенно отчетливо ясен зрителям, со всеми особенностями своего характера и поведения.

В 1800 г. он создал такой шедевр политической сатиры, как «Подшипа», или «Трумф», написанный для домашней сцены семьи кн. С. Голицына, сосланного по приказу Павла I в свое поместье Казацкое. В этой «шутотрагедии» Крылову удалось создать яркий образ грубого, невежественного, самоуверенного и наглого «принца немецкого» Трумфа. Крылов метил в Павла и его «гатинцев». Но, помимо этой цели, само поведение Трумфа, с его угрозами Подшине:

Мотыля! на кород естесь не путет шиф
ни мушка,
Сей час пошел фелеть на фехс стрелай
из пушка.

и с его вкусами барабанщика, повадками грабителя и юмором палача, нарисовано Крыловым с глубоким пониманием самой природы военной «немчины», омерзительные особенности которой раскрылись в полной мере в наши дни.

Рядом с Трумфом действуют в пьесе и царь Вакул и принц Слюняй, показанные в традициях народного дубка, слегка иронически относившегося к высоким «персонам». В этой манере дан и пушкинский царь Додон с знаменитым «царством, лежа на боку», а в его «Бове» почти повторен спящий совет вельмож из «Подшипы» («Глянь, с Додоном задремал Совет»). Не случайно особенной популярностью рукописная «Подшипа» (вплоть до 1871 г. она не могла появиться в русской печати) пользовалась в декабристских кругах, видевших в ней, по словам Завалишина, «злую и язвительную сатиру на правительство» («Записки декабриста»), «Подшипа» — любимое чтение Пушкина-лицейста и ряда поколений русских революционеров.

Патриотизм Крылова ярко проявился в опере «Илья-Богатырь», впервые шедшей на сцене в декабре 1806 г. во время войны против наполеоновской Франции.

Глубокая любовь к родине и ее луч-

шим преданиям руководила Крыловым, когда он воскресил перед зрителем в опере «Илья-Богатырь» легендарный образ русского народного героя, спасающего Чернигов от нашествия врагов и освобождающего дороги к Киеву. «Заставим варваров трепетать имени русского», — восклицает у Крылова Илья-Богатырь. Зрители бурными аплодисментами приветствовали эту оперу.

Таким же откликом Крылова на события, волновавшие страну, были и его наиболее известные комедии «Модная лавка» и «Урок дочкам», сыгранные в 1806—1807 гг. Один из зрителей, известный мемуарист Ф. Вигель, писал: «Что может быть веселее, умнее и затейливее, можно ли было колче, как в них, осмеять нашу столичную и провинциальную галломанию? Во время их представлений партер всегда был полон, и наполнявшие его от души хохотали».

Дело было, конечно, не в плутнях содержателей модных французских лавок и не в исключительной любви дочек русских помещиков ко всему французскому. Крылов вооружал зрителей уважением к русскому языку, презрением ко всему подражательному и накануне грозных событий 1812 года разил смехом отечественных «маркизов».

Еще в «Почте духов» Крылов укорял современников за то, что они «своих художников и их работу ни за что почитают, а уважают одно привезенное из-за моря». В своих последних комедиях Крылов обработал эту тему настолько ярко и театрально убедительно, что они долго держались на русской сцене. От условных Прият, Извед, Плутан, Таратор своих первых комедий и опер Крылов пришел к вполне жизненным и типичным характерам Вспышкиных, Сумбутовых, Велькаровых, Лукерий, Даш, Василис и Антропок. В конце своего драматургического пути Крылов уже был законченным мастером-реалистом, который вслед за Фонвизиним разрабатывал приемы русской оригинальной комедии.